

НЕПРОХОДЯЩЕЕ

Поделиться воспоминаниями о великих сынах Российской науки — братьях Вавиловых, Николае Ивановиче и Сергее Ивановиче, оказавших и оказывающих свое воздействие на мир ученых и после ухода из жизни, для меня, никогда не видевшего их и лично не общавшегося с ними, задача, разумеется, не из легких. Прежде всего, об источниках информации. Их три: мой отец Ипатьев Александр Николаевич, известный плодовоовощевод, профессор, член-корреспондент АН БССР, моя мать Сальникова Нина Ивановна, преподаватель ботаники в вузах Белоруссии и сын Николая Ивановича Вавилова — Юрий Николаевич, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФИАНа.

Об отце и матери. Если говорить образно, то отец и мать — это корневая и стволовая основа любого человека, изначально предопределяющая как материальную, так и духовную его структуру, а нередко и обстановку, в которой далее живет их дитя. Я горжусь своими родителями и прежде всего скажу несколько слов о них и нашей семье. Мой отец Ипатьев Александр Николаевич — сын старшей сестры Вавиловых Александры Ивановны, практически с рождения оказался на иждивении своего дяди Николая Ивановича Вавилова и помнил его как никто другой. Моя мама Сальникова Нина Ивановна, родом из казачьей станицы Староаннинской нынешней Волгоградской области, окончила Тимирязевку. В годы ее учебы они и познакомились: студентка и её молодой преподаватель Александр Николаевич.

А.Н. Ипатьев после окончания вуза в 1934 г. был направлен в Тимирязевку и зачислен ассистентом кафедры селекции овощных культур. В 1936 г. был назначен заведующим кафедрой пловодства Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова. В начале войны там он стал директором Сибирского сельскохозяйственного института. После окончания мамой Тимирязевки и приезда ее в этот сибирский город они поженились. Я храню их переписку — студентки Тимирязевки и заведующего кафедрой сибирского вуза. Это были тяжелые, но счастливые годы их совместной-предвоенной жизни. Здесь 30 марта 1942 года у них появились на свет близнецы — Николай и Виктор. Очевидно, Николай был назван в честь своего дяди. Н.И. Вавилов побывал на квартире молодой семьи и был очень доволен ее бытовыми условиями. Был доволен условиями работы и брат моей мамы Сальников Иван Иванович, кадровый военный, о котором очень тепло отзывается бабушка Сергея Яковлевича Попова, нынешнего заведующего кафедрой химических средств защиты растений Тимирязевки.

Судьба моего брата Николая оказалась неблагоприятной. Недоучившись на зоотехническом факультете Белорусской сельскохозяйственной академии в городе Горки Могилевской области, он тяжело заболел и умер инвалидом в начале 1970-х годов.

Николай Иванович Вавилов практически определил научную судьбу своего племянника (моего отца) — изучать генетически и селекционно бахчевые и плодовые культуры, делать все возможное для их практического внедрения

в различных климатических зонах нашей тогда великой страны. Для этого он учился и работал в Средней Азии, Москве и Подмосковье, Сибири, Центральном Черноземье (г. Мичуринске), Белоруссии (г. Горки Могилевской области). Александр Николаевич Ипатьев прожил 54 года, но я уверен, что за свою недолгую жизнь он сделал все возможное в предложенном Н.И. Вавиловым направлении, оставив после себя учеников и соответствующие публикации. Вот перечень только некоторых его публикаций: *Методы и техника селекции овощных культур*. Минск: Госиздат, 1960, 3,75 печ. л.; *Частная селекция овощных культур*. Минск: Высшая школа, 1965, 8,25 печ. л.; *Овощные растения земного шара* (с посвящением Н.И. Вавилову). Минск: Высшейшая школа, 1966, 24 печ. л.; *Дифференциальная систематика и дифференциальная география растений*. Минск: Высшейшая школа, 1971, 14,5 печ. л.; *Помология БССР. Атлас плодов яблони*. Минск: Высшейшая школа, 1972, объемом более 200 стр. машинописных листов с рисунками всех сортов на территории Белоруссии; *Помология БССР. Атлас плодов груши*. Минск: Высшейшая школа, 1975, 8,5 печл.

Представленный читателю далеко не полный перечень работ А.Н. Ипатьева свидетельствует о выполнении автором поставленных академиком Н.И. Вавиловым задач. Несомненно, отец мой учел опыт работы на юге и Севере нашей страны, но основной вклад в реализацию наиболее значимых научных тем принесла работа в Белорусской сельскохозяйственной академии в городе Горки Могилевской области, которые он считал для него и его семьи святым местом. Почему святым? Побыв и поработав в Средней Азии и Омске, где, как я отмечал, он возглавлял Сибирский сельскохозяйственный институт и много сил отдавал снабжению Красной (Советской) Армии, тем не менее вынужден был искать себе новое место работы. Пригласил отца в Мичуринск бывший ректор сельскохозяйственного института Б. Быстров. А в Горки его пригласило тогдашнее руководство Белорусской сельскохозяйственной академии летом 1946 года, он проработал там с небольшим перерывом, трудясь в институте биологии АН БССР и Белорусском государственном университете, более 20 лет.

Несколько слов о себе. Окончив лесохозяйственный факультет Белорусского технологического института в Минске, я много лет проработал в нем, пройдя практически все ступени — от инженера-почвоведа кафедры почвоведения и геологии до ее заведующего, доктора с.-х. наук. После Чернобыльской катастрофы возглавил в июне 1988 г. Институт леса НАН Беларуси, ранее подчинявшийся Государственному комитету по лесу при Совете Министров СССР, с одной лишь целью: имея неплохой багаж знаний (а учителем моим в вузе также был выпускник Тимирязевки академик АН БССР Павел Прокофьевич Роговой), помочь коллективу Института леса выжить и попытаться решить проблему последствий ядерной катастрофы для необычного творения природы — леса и, разумеется, для проживающего в лесных регионах населения. Пришлось поэтому расширять научную тематику и готовить самим научные кадры. Я завершил свою научную карьеру директором Института леса Национальной Академии наук Беларуси, хотя по уставу нашей Академии наук мог бы работать еще два года. Но главой нашей НАН в последние годы является не президент, избранный учеными академии, как это делается в России, а чиновник, назначенный главой государства. Называется эта должность — «Председатель БЮРО НАН». Для него я не совсем удобный академик, ибо считаю, что возглавлять Академию наук должен именно ученый, а не неизвестно как ставший доктором «экономических» наук чиновник, никогда не работавший в науке. В настоящее время я продолжаю трудиться пенсионером, опираясь на

своих учеников. В проблему реабилитации лесных почв после загрязнения их ядерным взрывом в апреле 1986 г. я привнес идею академика Н.И. Вавилова о правильном использовании многообразия лесов. Слава Богу, я не обижен ни научными званиями, ни публикациями, ни своими учениками.

Я отмечал определяющую роль, которую в судьбе моих родителей сыграл Николай Иванович. Касается она и моей семьи. Идентичную моей борьбе за справедливое отношение к науке проводит мой сын Александр Викторович, который работал в системе МЧС Беларуси, изучая феномен смога, а сейчас читает спецкурс в авиационном институте. Память его прадеда служит примером вынужденной борьбы с порочащими науку проходимцами. Недаром в России есть поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает»!

О Вавиловых — Николае Ивановиче и Сергее Ивановиче. Мои личные воспоминания касаются прежде всего Сергея Ивановича Вавилова, в квартире которого мне пришлось останавливаться дважды: первый раз, в 1947 г. перед моей операцией на ноге, мама привезла меня туда, предварительно договорившись о помощи медиков с Сергеем Ивановичем. Конечно, не помню подробностей — было тогда мне всего 5 лет, но запомнился двухэтажный особняк и помогавший матери меня транспортировать живущий в этом доме милиционер. Сергей Иванович в эти дни отсутствовал, и я занимал его кабинет. Это и был единственный случай возможной нашей встречи с ним, но...

Второй раз я был в Москве на похоронах известного физика и Президента АН СССР академика С.И. Вавилова. Помню, что всю дорогу мама плакала, показывая соседям по вагону опубликованные в «Правде» соболезнования и фотографию академика.

На похороны мы (отец, мама и я) тогда опоздали — ведь поезда с пересадкой из Горок Могилевской области до Москвы добирались довольно долго. Мы прибыли в Москву лишь на следующий день. С вокзала поехали сразу на кладбище, на могилу Сергея Ивановича. Хорошо помню множество венков не только на его могиле, но, казалось, на всем кладбище. Затем на сутки остановились в квартире семьи Вавиловых. Здесь я познакомился с Юрием Николаевичем и с сыном Сергея Ивановича Виктором Сергеевичем. За столом собралась вся семья. Память сохранила приветливость и спокойствие вдовы Сергея Ивановича, явно расстроенный вид Юрия Николаевича. Запомнился очень вкусный чай с вареньем и мятными пряниками. Позже Виктор Сергеевич демонстрировал охотничьи принадлежности моему отцу.

На меня произвели огромное впечатление две книги Сергея Ивановича — «Исаак Ньютон» и «Люди Русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники». Мне эти книги дали очень многое: полная уверенность автора в правом деле России во время Великой Отечественной войны, пытливость ума его и преданность Великой России; детальная характеристика ученых Российской Академии наук приведена во второй книге, где отмечена их значимость в мировой науке.

Способность к аналитическому описанию научного вклада своих коллег присуща была и его брату — Николаю Ивановичу. Но об этом чуть позже. Встречаясь с Юрием Николаевичем, я не раз спрашивал его об отношении братьев друг к другу. Вот о чем он рассказал мне. Сергей Иванович был с их семьей в самых теплых отношениях. Когда Юрий Николаевич был на третьем курсе Ленинградского государственного университета, Сергей Иванович обратился к Л.П. Берии с ходатайством о переводе племянника по специальности, связанной с ядерной физикой. Отказа не последовало. Сергей Иванович всегда помогал семье, особенно в самые тяжелые годы в эвакуации в Саратове, когда

Николай Иванович находился в тюрьме этого города. Воспоминания о Сергее Ивановиче у племянника и его мамы остались самые теплые.

Теперь о воздействии корифея биологической науки Николая Ивановича Вавилова на семью Ипатьевых, их быт, духовность, работу.

Как я уже отмечал, мой отец Ипатьев Александр Николаевич, с восьми месяцев от роду, когда его отец бросил семью, воспитывался дядей Николаем Ивановичем. Фактически семья сестры Александры Ивановны была на иждивении у брата. Н.И. Вавилов определил и научную судьбу своего племянника (моего отца). Сохранилось письмо Н.И. Вавилова, собственноручно им написанное и адресованное в Государственный среднеазиатский университет, где собирался учиться его племянник: *«Настоящим прошу принять в число студентов Александра Николаевича Ипатьева, состоящего на моем иждивении и желающего работать по изучению культур»*. Подпись: академик Н. Вавилов, Президент Академии С.Х. наук 5/VI/1930.

В своих воспоминаниях о дяде мой отец писал: «Николай Иванович таскал меня за собой везде, где только было можно. Я страшно любил общение с ним, так как это было сопряжено и с ездой на автомобиле (тогда редкостью), и собраниями с демонстрациями многочисленных диапозитивов, и докладами о путешествиях Николая Ивановича. Не раз ездил я до Кремля на знаменитом теперь Роллс-ройсе, на котором ездил В.И. Ленин. За Николаем Ивановичем Совнарком присылал или открытый Роллс-ройс, или Роллс-ройс лимузин (как говорили, еще царский). Каждое общение с Николаем Ивановичем вливалось в меня и тогда, и позднее большой заряд энергии. Его обаяние памятно многим. Тогда я еще не понимал значения для меня общения с великим человеком, он ведь был для меня обычным моим дядей Колей, правда, каким-то особенно энергичным. Быть, как дядя Коля — был мой девиз жизни, который я осмысливал только постепенно».

Об архиве Н.И. Вавилова. Не многие знают, что незадолго до своей кончины отец пригласил меня в свой кабинет и при закрытых дверях попросил меня хранить архив Н.И. Вавилова, никому не раскрывая сути порученной задачи. Разговор был кратким. Я поклялся все сделать для полного выполнения его просьбы. Другого и не могло быть!

Хочется обратить внимание читателей на довольно большой диапазон и глубину публикаций академика Николая Ивановича Вавилова. Начну с опубликованной в 1927 г. с дарственной подписью Н.И. Вавилова: *«Дмитрию Николаевичу Прянишникову»* книги «Центры происхождения культурных растений», включающей пять цветных карт, 11 рисунков и таблиц. Обращают на себя внимание разделы (главы): «Сорные растения как родоначальники культурных растений» и «Географические закономерности в формировании культурных растений». Посвящена эта книга памяти Альфонса де Кандоля, автора «Рациональной ботанической географии» (1855), «Фитографии» (1880), «Происхождение культурных растений» (1882).

Заслуживает внимания последняя работа Николая Ивановича Вавилова, подготовленная в 1940 г.: «Мировые ресурсы хлебных злаков. Пшеница». Объем ее более 7 печатных листов. Издана она была в Ленинграде в 1964 г. согласно постановлению Президиума АН СССР об издании трудов академика Н.И. Вавилова из числа неопубликованных рукописей, объединенных под названием «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции». Здесь же приведен список более 100 его трудов в данном направлении, опубликованных в 1913-1962 годах. Удивляет весьма небольшой тираж этого издания — 2300 экземпляров.

В 1924 г. вышла в свет в Москве его небольшая брошюра «Закономерности изменчивости растений. Организация и результаты работ отдела прикладной ботаники и селекции», имеющая научно-прикладное значение.

Крайне интересна, на мой взгляд, работа «Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства», вышедшая в Саратове в 1917 г. и завершающаяся словами автора: *«Работы достаточно для армии исследователей. Было бы желание работать»*. По-моему, в этих словах весь Вавилов!

Приведу заключительные слова увидевшей в 1925 г. свет в Ленинграде небольшой, в 15 страниц, работы: *«Мы можем подождать с удобствами личной жизни, единственное, в чем мы не можем уступить, это в вооружении нашего интеллекта. Если, в силу необходимости, мы обязаны держать нашу армию, наш морской и воздушный флоты на уровне наших соседей, то еще это касается армии исследователей, без которых немисливо представить себе какой-либо серьезный прогресс нашего Союза»*.

В этом же году также в Ленинграде вышла имеющая большое практическое значение его брошюра «О межвидовых различиях дынь, арбузов и тыкв». Селекции засухоустойчивых сортов сельскохозяйственных культур посвящена вышедшая в Воронеже в 1926 г. книга, где анализируются работы в данном направлении В.Р. Зеленского, Н.А. Максимова, Б.А. Келлера, В.В. Колкунова, Н.М. Тулайкова, Е.Ф. Вотчала. Заслуживает внимания небольшая брошюра тиражом в 500 экз. «Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений» (Ленинград, 1927). В 1929 г. в Ленинграде выходит брошюра в 15 страниц, «Современные направления научно-агрономической работы в СССР и за границей». Проблема северного земледелия освещена в вышедшей в Ленинграде в 1931 г. под таким же названием работе на 15 страницах. Там же и тогда же выходит работа по практическому плодоводству «Дикие родичи плодовых деревьев Азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев».

В 1930-е годы в период усилившейся борьбы с кликой Лысенко появилось несколько важных для тех лет работ. Отмечу некоторые из них:

«Селекция как наука». Как отмечает автор, только разработка теории селекции приведет исследователя к действительному управлению организмом, т.е. к конечной цели современной биологии. Дается понятие, вернее, толкование генетики как научной дисциплины и содержание самостоятельной ее ветви — цитологии.

«Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» не требует моего анализа. В настоящие годы он (закон) должен подготовить исследователей к овладению и управлению растительным и животным миром в такой мере, чтобы полностью исключить даже возможные негативные процессы у организмов, и прежде всего у человека.

«Наука в Японии». В этой работе автор призывает наших граждан, и прежде всего ученых, учить иностранные языки, в том числе и японский. Он отмечает, что в Японии имеется большая собственная литература по различным областям сельского хозяйства и промышленности.

«Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света». В этой довольно обширной брошюре, опубликованной в Ленинграде в 1931 г., констатируется, что в XX и последующих веках россиянам суждено овладеть тропиками и вскрыть колоссальные растительные ресурсы Мексики, Перу, Венесуэлы и Колумбии, которые могут быть использованы для самых разнообразных потребностей человечества.

Особый интерес представляют подписанные академиком Н.И. Вавиловым А.Н. Ипатьеву две работы: «Линнеевский вид как система» и «Великие земле-

дельческие культуры доколумбовской Америки и их взаимоотношения», которые вышли, соответственно, в 1931 и 1939 гг. Мой отец хранил их как самые для него дорогие реликвии и показал своим друзьям только в 1955 г., после посмертной реабилитации дяди.

Теперь об «именных» публикациях академика Н.И. Вавилова. В моем архиве их всего четыре. Одна посвящена Дарвину и называется «Роль Дарвина в развитии биологических наук». Работа вышла в 1932 г. и комментарий в нынешнее время не требует.

В феврале 1926 г. в возрасте 65 лет умер крупнейший биолог Вильям Бэтсон. В этом же году Н.И. Вавилов издает небольшой очерк об этом английском ученом, научные заслуги которого были высоко оценены Академией наук Союза, избравшей его в члены-корреспонденты.

Ответом Н.И. Вавилова на кончину известного ботаника, почетного члена Академии наук СССР Гуго де Фриза была появившаяся в 1936 г. в Ленинграде публикация, посвященная этому голландскому ученому. С большой теплотой вспоминает он свою беседу с этим ученым при посещении Голландии, в частности опытной станции близ местечка Люнтерен, подчеркивая его простоту и скромность, широкий подход к научным и практическим проблемам, преданность науке.

Завершается мой крайне небольшой анализ «именных» публикаций работы об известном биологе, авторе первого оригинального курса для студентов вузов «Введение в селекцию сельскохозяйственных растений» Сергее Ивановиче Жегалове, которую Н.И. Вавилов сопроводил посвящением «Памяти друга и учителя».

Желание поделиться через печать впечатлениями о том или ином ученом характерна для братьев Вавиловых. Забота о близких родственниках была также присуща этим корифеям отечественной науки. В официальной рецензии академика Н.И. Вавилова (от 16 декабря 1938 г.) рукопись книги его племянника доцента А.Н. Ипатьева «Мировое овощеводство» детально разбирается на четырех страницах. Приведу лишь приписку, сделанную рукою рецензента: *«Пользуйся моим отзывом только после обязательного исправления. Работу в таком виде предоставлять считаю не пригодной к печати»*. Это была рецензия рукописи, положенной в основу докторской диссертации А.Н. Ипатьева, которую он защитил после реабилитации академика Н.И. Вавилова в 1956 г. в Ленинграде. В этом отзыве также весь Н.И. Вавилов.

О «лысенковщине». Я неоднократно задумывался, почему происходили такие перемещения успешно работающего ученого, моего отца Александра Николаевича Ипатьева: Омск — Мичуринск — Горки — Минск — Горки? Дело лишь в одном слове — в «лысенковщине». Доставали «стрелы» этого субъекта (я просто не могу назвать его человеком, а тем более ученым) только за то, что был отец мой реальным ученым, происходил из семьи Николая Ивановича Вавилова, выполнял и претворял его заветы. Об этих передвижениях отца и его семьи довольно достоверно изложено в материале М.В. Вошула «Бескомпромиссное служение науке» в журнале НАН Беларуси «Наука и инновации», 2004, №3 (13), Минск, с. 46-55.

Все свои сознательные годы отец благодарил судьбу, которая свела его с Николаем Ивановичем Вавиловым, для него — дядей Колей. Он старался быть похожим на него, помогать ему и защищать его доброе имя — это было для отца моего воистину святым делом!

Конечно, 1960-е и 1970-е годы были тяжелыми для тех, кто оставался приверженцем Н.И. Вавилова и его понимания науки. Но те, кто были в опале,

не смирились с опошлением доброго имени Николая Ивановича. В том числе и мой отец, который делал все возможное, чтобы правду об академике Вавилове знало как можно больше людей. Неоднократно обращался он к печати. Но клан лысенковщины был необычайно живуч. Многие выдающиеся ученые, например академик А.Р. Жебрак, были изгнаны с работы или понижены в должности.

Привожу дословный текст письма профессору А.Н. Ипатьеву от профессора В.Н. Эдельштейна после одной из попыток отца написать о Н.И. Вавилове: «Дорогой Александр Николаевич! Я не вхож в Ленинскую Академию, поэтому мое представление не окажется достаточным. Последняя статья Лысенко «Теоретические основы... и т.д.» не оставляет сомнения, что Ваша статья не будет принята к печати. При сем Ваша статья и рисунки. Профессор В.И. Эдельштейн». Однако статья Александра Николаевича «Воспоминания о братьях Вавиловых» была опубликована в журнале «Природа» в 1974 г. (№1, с. 108). До сих пор помню привезенную мне в Институт леса копию анонимки на моего отца, датированную этими годами.

Рад, что оказал мне определенное внимание Антон Романович Жебрак, в 1960-е годы пониженный с должности президента АН БССР до заведующего кафедрой одного из медицинских вузов Москвы из-за того, что, по его словам, он осмелился покритиковать в одной из американских газет работы Лысенко. 12 февраля 1964 г. он прислал такое письмо моему коллеге и единомышленнику А.Н. Ипатьеву. «Дорогой Александр Николаевич! Вашу статью возвращаю со своим представлением. Теперь можно твердо сказать, что мы доживем до торжества науки над лженаукой. Вы можете читать курс селекции так, как читали во времена Н.И. Вавилова. Журнал по генетике будет. «Распутинщина» в нашей биологической науке будет ликвидирована. Конечно, еще много будет возни, так как в период Сталина и Хрущева лысенковцы захватили почти все позиции и сразу их будет трудно отовсюду выкурить, но этот процесс будет продолжаться. Все мы переживаем известный подъем. Жаль только, что очень большие жертвы понесла наша наука. Искренне Ваш А. Жебрак».

В 1958 г. в Горках профессор А.Н. Ипатьев сделал доклад, посвященный памяти реабилитированного академика Н.И. Вавилова. Мне запомнилось поведение отца после доклада. Это был синхронный взрыв радости, что доброе имя его родного дяди и учителя наконец-то восстановлено, и горя, связанного с трагедией последнего отрезка жизни великого ученого. Поверьте, никогда более не приходилось мне, достаточно много повидавшему в жизни, видеть у мужчины, абсолютно трезвого, одновременные слезы горечи и радости, счастливый смех и скорбные всхлипывания, переходящие в рыдания. Длилось это всего несколько минут, в память же врезалось на всю жизнь.

В заключение своих воспоминаний о братьях Н.И. и С.И. Вавиловых я хочу выразить искреннюю признательность ректору РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева члену-корреспонденту РАСХН В.М. Баутину за приглашение принять участие в подготовке памятных публикаций об этих выдающихся людях.

*В.А. Ипатьев, профессор, академик РАСХН,
академик НАН Беларуси*